

УДК 811.161.1'374

ББК Ш141.12-4

В.Д.ЧЕРНЯК,

SPIN-код:4666-6540

vdcher@yandex.ru

И.И.ХАСАНОВА

г. Санкт-Петербург, Россия

inessakhasanova@mail.ru

С ПЕСНЕЙ ПО ЖИЗНИ: ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ ИЗ ПЕСЕН В ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОМ ТЕЗАУРУСЕ

Аннотация. В статье рассматривается место прецедентных феноменов из песен, прежде всего советских, в интертекстуальном тезаурусе современника. О широкой воспроизводимости прецедентных феноменов свидетельствует их заметное место в словарях крылатых слов. Разнообразие условий функционирования прецедентных феноменов из песен демонстрируют материалы Национального корпуса русского языка. Активное использование значительного числа прецедентных феноменов показывает процесс их фразеологизации, а также формирование моделей, в основе которых лежат популярные прецедентные феномены из песен. Во многих случаях прецедентные феномены из песен являются основой языковых игр. В связи с этим актуальной является проблема восприятия прецедентных феноменов представителями разных поколений. Наличие или отсутствие кавычек или других метаоператоров является показателем изменений соответствующего фрагмента культурного кода.

Ключевые слова: прецедентные феномены, интертекстуальность, интертекстуальный тезаурус, фразеологизация прецедентных высказываний, языковая игра, русский язык, песни, крылатые слова.

CHERNYAK VALENTINA D., KHASANOVA INESSA I.

Saint Petersburg, Russia

LIFE ACCOMPANIED BY MUSIC: PRECEDENT PHENOMENA FROM SONGS IN THE INTERTEXTUAL VOCABULARY

Abstract. The article examines the role of precedent phenomena from songs, primarily Soviet ones, in the intertextual vocabulary of a contemporary. The wide reproducibility of precedent phenomena is evidenced by their prominent place in the dictionaries of idioms. A variety of conditions for the functioning of precedent phenomena from songs is demonstrated by the materials of the Russian National Corpus. The active use of a significant number of precedent phenomena shows the process of their phraseologization, as well as the formation of models based on popular precedent phenomena from songs. In many cases, precedent phenomena from songs are the basis of word play. In this regard, the problem of perception of precedent phenomena by representatives of different generations is relevant. The presence or absence of quotation marks or other meta-operators is an indicator of changes in the corresponding fragment of the cultural code.

Keywords: precedent phenomena, intertextual vocabulary, phraseologization of precedent statements, word play.

Черняк Валентина Даниловна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Chernyak Valentina Danilovna, Herzen State Pedagogical University of Russia, Doctor of Philology, Professor, Professor, of the Department of the Russian Language

Хасанова Инесса Ильшатовна, магистр по направлению «Педагогическое образование». Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).
E-mail: inessakhasanova@mail.ru

Khasanova Inessa Ilshatovna, Master of Education. The Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russia).

Одной из тем, которые в последние годы находятся в центре внимания современной лингвистики и лингвокультурологии являются проблемы интертекстуальности и прецедентности [Прохоров 2016: 146], интертекстуального тезауруса языковой личности – «совокупности всех тех элементов, которые говорящий субъект считает “чужими” при восприятии некоторого сообщения / текста и которым он придает статус цитатных при порождении собственных высказываний / текстов» [Кузьмина 2009: 190]. Объектом внимания становятся интертекстуальные включения из различных источников – от произведений русской и зарубежной классики до текстов массовой литературы. «Интертекстуальные знаки проверены временем и традицией: они существуют в течение жизни нескольких поколений людей в виде некоего культурного кода, существование прецедентных феноменов ограничено временем их рецепции и реинтерпретации» их [Кузьмина 2011: 103]. Обращает на себя внимание то, что все чаще в разных типах дискурсивных практик используются прецедентные феномены из текстов простых, легко узнаваемых, прочно закрепленных в памяти носителя языка, например, из детской литературы или популярных мультфильмов [Детское чтение...2020; Ли 2022; Черняк 2023; Черняк, Ли 2020]. «Если XIX век начинался с активизации прецедентных феноменов, восходящих к античности, а в прошлом веке максимально активными были прецедентные феномены, восходящие к русской классической литературе, то в наступившем веке закономерно ожидать активизации новых сфер-источников. Все отчетливее в массовой коммуникации прослеживается тенденция к сокращению аллюзий, ориентированных на знакомство с текстами классической литературы, и активизации отсылок к максимально простым и общедоступным источникам прецедентности» [Будаев, Чудинов, Нахимова, 2019: 27]. К числу наиболее часто воспроизводимых прецедентных феноменов, находящихся в зоне «быстрого доступа», относятся прецедентные феномены из песен, прежде всего, из песен советской эпохи. Об этом свидетельствует их широкая представленность в словарях крылатых слов. Так, в словнике «Словаря крылатых фраз россий-

ского кино» содержится 78 крылатых выражений из песен, созданных в советское время и звучавших в советских фильмах. Их постоянная, почти ежедневная, воспроизводимость с экранов телевизора, в радиоэфире делала в советскую эпоху тексты песен значимой частью интертекстуального тезауруса любого носителя русского языка, неотъемлемым элементом национально-культурного кода.

В книге «Словарь культуры XXI века» для объяснения удивительной лексемы *мамхлэпинатанай* автор Бали Кан (Сенегал) связывает эту «национальную лексему с интернациональными потенциями» с одним из важных для сенегальской культуры и национального этикета смыслов – предоставить возможность собеседнику начать совместные действия первым. Примечательно, что автор сопоставляет это качество с популярным в годы его учебы в России хитом бит-группы «Секрет»: «*Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она, чтоб посмотреть, не оглянулся ли я...*» [Словарь культуры...2022: 214]. Примечательно, что строка из песни, запечатленная в памяти, становится толчком для лингвокультурной рефлексии.

Представляет интерес текстовый фрагмент из новой книги Т. Толстой и А. Тимофеевского «Истребление персиян»:

Прислушайтесь: народ, даром что слушает попсу круглосуточно, сам ее, слава господу, не напевает, на свадьбах-женитьбах, упившись в сосиску, под гитару не мурлыкает. «*Ой, мама, шикадам*» не споют над винегретом и холодцом, так же как в советское время пропеть за столом «*ЛЭП-500 не протая линия*» мог бы только освобожденный комсомольский работник либо олигофрен. Подчиняясь одному ему ведомым законам, народ пшено клюет, а просо не станет. Гжель он любит, а Палех ему чужд, это для «Интуриста», так же как «*Калинку-малинку*» давным-давно уступили «Интуристу» и не жалко. А вот интеллигенция подвывает свой «*Синий троллейбус*», любит ей как раз тем, что он оказывает милость падшим: «*твои пассажиры – матросы твои – приходят на помощь*». Добродетель эта, повторяю, совершенно не народная. Да и мысль о том, что «в молчаньи много доброты» – это мысль экзистенциально одинокого, высокоорганизованного нервного существа, а народ

любит, чтобы включили погромче, сами знаете. Так что поют? – в основном протяжное и печальное, или, хотя бы, задумчивое. Из старого – *“На палубу вышел, а палубы нет”*, *“Догорай, горы, моя лучина”*, *“По Дону гуляет”*, *“А брат твой давно уж в Сибири, давно кандалами гремит”*, много разнообразного про ямщиков, *“Ой, мороз, мороз”*, *“Когда б имел златые горы”*. Из более-менее нового – *“Эх, дороги, пыль да туман”*, женские песни: *“Сняла решительно пиджак сброшенный”*, *“На нем защитна гимнастерка, она с ума меня сведет”*. Еще – *“Каким ты был, таким остался”*, *“Зачем, зачем на белом свете есть безответная любовь”*. Заметьте, все вещи – хорошего вкуса. Вполне себе гуманистические. Но едва ли не самая исполняемая песня – *“Из-за острова на стрежень”*. Поется с удалью, размахом и торжеством. Глаз блестит. *“И за борт ее бросает в набежавшую волну!”* Так ее! Ура!

Т. Толстая подвергает ироничной рефлексии песни разной хронологической прикреплённости, несомненно, ставшие частью тезауруса языковой личности. К их числу, без сомнения, можно было бы добавить песни на слова самого А. Тимофеевского о крокодиле Гене и его друзьях.

По словам Н.Д. Арутюновой, «цитация – это словесный бумеранг. Она является компонентом вербальной реакции на высказывание» [Человеческий фактор 1992: 65]. Для того чтобы этот компонент вербальной реакции был воспринят, у коммуникантов должны быть общие элементы тезауруса, важнейшей частью которого являются «интертекстуальные знаки», значимые для нескольких поколений людей. В.И. Заботкина пишет о коллаборативности – совместном действии в коммуникации, координации ментальных репрезентаций, основанном на знании предшествующих текстов и дискурсивных практик [Заботкина 2020: 77]. Рассмотрим в этом контексте фрагмент из романа Дм. Данилова «Саша, привет!», в котором представлен диалог между мужчиной, чье детство и юность прошли в советское время, и девушкой, родившейся в XXI веке:

– Ну вот и славно. Давайте посмотрим на величественный пейзаж Москвы, а потом меня через какое-то время расстреляют.

– Да, давайте посмотрим. Зря говорят, что Москва некрасивая.

– Конечно, зря. Москва – это ЛГЗ.

– Что такое ЛГЗ?

– *Это лучший город Земли. Была такая советская песня.*

Герой, используя прецедентный феномен, во избежание коммуникативной неудачи указывает на источник цитаты (*Была такая советская песня*). Обязательного метаязыкового комментария требует и реплика «Москва – это ЛГЗ», без которого окказиональная игровая аббревиатура, не может быть воспринята читателем так же, как она непонятна и героине. «Когнитивный подход к изучению глубинных смыслов познавательной деятельности человека требует учета интерпретационной перспективы, адекватной компетенции пользователя языка» [Заботкина 2020: 77].

Приведем еще один показательный пример, в котором прецедентный феномен *птица счастья завтрашнего дня* вызывает коммуникативную неудачу при общении представителей разных поколений:

От этой сумасшедшей беготни они скоро вымотались, повалились на диван. А попугайчик перелетел со шкафа на пианино и как ни в чём не бывало стал чистить пёрышки

– Вот наглец! – сказал папа. – Ну что ты носишься? Мы ведь тебе добра желаем. А ну давай ещё раз попробуем поймать эту *птицу счастья!*

– Почему *птицу счастья?* – не понял Антошка.

– Так в песне поётся: «*Птица счастья завтрашнего дня прилетела, крыльями звеня...*» (А. Турханов. Гость).

Подобные примеры подтверждают положение о том, что «прецедентное высказывание анафорично по отношению к повременному его тексту. если оно связано с этим текстом структурно, и дейктивно по отношению к ситуации, в контексте которой оно в первый раз возникло» [Костомаров, Бурвикова 1994: 73-74].

Особенности реального функционирования и степень распространения прецедентных феноменов из песен выразительно демонстрируют материалы Национального корпуса русского языка. Материалы корпуса позволяют судить о жанровой за-

крепленности, текстовой предназначенности и идеологической мотивированности исследуемых языковых единиц. Так, одной из наиболее частотных (127 вхождений) стала строка из песни М. Фрадкина на слова Р. Рождественского «За того парня». Прецедентное высказывание *за себя и за того парня*, отмеченное в 70-е гг. XX века яркой идеологической окраской, с течением времени фразеологизируется и закрепляется в тезаурусе языковой личности, часто в редуцированном виде (*за того парня*) с иронической коннотацией:

После многих лет возлияний, а также после эксцесса, случившегося с ним под Новый год в прямом эфире, накрепко “завязал” и телеведущий Юрий Николаев, который, по его словам, “уже выпил за себя и за того парня”. В течение последних пятнадцати лет Юрий Михайлович пьет только минералку и активно занимается спортом (И музой его был стакан // Аргументы и факты, 2006.12).

Большинство детей следуют совету учителя. В другой школе детей отводят в столовую и они предоставлены сами себе: кто-то только пьет компот, кто-то хватает хлеб, а кто-то ест *за себя и за того парня*, – рассказывает Батурин (Школьные завтраки оказались слишком калорийными // Известия, 2016.01).

Да, эту игру наши выгащили на характере. Но Этторе Месина создал такой механизм, в работе которого отсутствие Холдена или Смодиша просто не может сказаться. Стоит кому-то вылететь, как партнер начинает играть не на сто, а на двести процентов. Как говорят в России – *за себя и за того парня* (Д. Абаренов. Смодиш в зеркале России // Советский спорт, 2008.11).

Таким образом, в речевой практике прецедентный феномен *за себя и за того парня*, фразеологизируясь, употребляется в значении «в большом количестве», «с удвоенной силой». При полной утрате у читателя представления об исходной мотивации выражения языковая игра журналиста может показаться как минимум неудачной. Ср.:

В чем причины такой метаморфозы? Для экспертов все ясно как день. Во-первых, это так называемый “эффект высокой базы”. То есть в прошлом году многие продукты подорожали “за

себя и за того парня” на фоне неурожая. В этом году с погодой повезло, вот цены и стали плавно снижаться (Е. Беляков. Что подорожает и подешевеет этой зимой // Комсомольская правда, 2011.12).

Фразеологизация выражения “*за себя и за того парня*”, как правило, допускает лишь редукцию, но не трансформацию состава. В тех случаях, когда устойчивая единица из песни более объемна по составу, трансформации оказываются более заметными.

Популярная советская песня, которую исполняла Эдита Пьеха, стала источником прецедентного феномена *в нашем доме поселился замечательный сосед*, при этом компонентный состав устойчивой единицы может варьироваться. В следующих примерах использование прецедентного феномена четко соотносится с конкретной коммуникативной ситуацией, при этом и кавычки, и указание на источник исключают возможность возникновения двусмысленности.:

У меня ситуация, как в песне “*В нашем доме поселился замечательный сосед*”. С утра до вечера звучит безумная музыка. В квартире находиться просто невозможно, так как у нас хрущевка. Что делать? (Д. Дьяченко // Труд-7, 2007.04).

Год назад в ее доме *появился замечательный сосед*. Вернее, соседка, которая играет не на трубе, а на пианино – часами, с небольшими перерывами. И все совсем не так весело, как пела Эдита Пьеха. В панельной 9-этажке 1967 года выпуска слышно даже, как кашляет за стеной сосед (И. Воронова. Тишины хочу! // Труд-7, 2006.05).

Метаоператоры *как в песне, как пела Эдита Пьеха* даже приотсутствии кавычек и редукции всего высказывания делают контекст вполне достаточным для его адекватного восприятия.

В других случаях возникновение коммуникативной неудачи вполне возможно:

К несчастью ресторанов, рядом с ними *поселился замечательный сосед* – вице-мэр Москвы Петр Бирюков. Даже дома он не отдыхает, усиленно благоустраивая свой район. “Петр Павлович дал поручение соответствующим службам, чтобы они проверили кафе, – поясняет пресс-секретарь чиновника Игорь

Пергаменщик, – потому что он получил жалобы жителей дома, в котором расположены “Сулико” и “Крылов” (Пришел, увидел, запретил // Коммерсант, 2010.07).

Учитывая, что в столице Чукотки – Анадыре – живет примерно столько же людей, сколько в московском доме, состоящем из нескольких многоэтажных корпусов, можно просто считать, что *в этом доме поселился замечательный сосед*. Он и стены всем покрасит, он и окна застеклит, и накормит, и напоит, и работой наделит. Но на такую доброту способны только очень богатые люди (Ведомости, 2001.02).

В ряде случаев прецедентный феномен занимает сильную позицию – позицию заголовка:

“Замечательный” сосед. В квартиру наверху заселился очень шумный сосед. После 11 часов вечера он устраивает вечеринки, гремит музыка. Урезонить его невозможно. Он утверждает, что в своей собственной квартире что хочет, то и делает (На вопросы наших читателей отвечает адвокат Ольга Боброва // Труд-7, 2006.09).

“Замечательный” сосед. Кого сегодня удивишь эстафетой через всю страну? А вот гражданин Швейцарии Герберт Гергер заставил целую деревню регулярно бегать 10-километровый кросс! (А. Крылова. Вместо сыра – швейцарская мышеловка // Комсомольская правда, 2014.02).

Очевидно, что коннотация прецедентного высказывания меняется в зависимости от актуализации тех или иных компонентов ситуации.

Прецедентное высказывание *миллион алых роз* из одноименной советской песни используется как символ романтической любви, символических подарков:

“Девушка за 30 в поисках любви” – изумительная роль Анны Михалковой, которая, как всегда, не боится выставить себя в самом нелепом свете. Герои остальных новелл – дочь мни-олигарха, сбегаящая в Грузию с нищим возлюбленным. Владелец маленького тбилисского кафе, продавший квартиру за \$ 5 тыс., чтобы купить женщине своей мечты *“миллион алых роз”* (Л. Юсипова. Резо Гигинеишвили сделал акцент на кино // Известия, 2012.07).

На работе все складывалось как нельзя лучше, а вот в личной жизни как-то не очень. К тому времени Веденева была уже не-свободна. Ее мужем был художник один, который не дарил своей Тане *миллион алых роз*, а в силу своей творческой несостоятельности постоянно пребывал в кризисе (*Миллион алых роз для Татьяны Веденева // Аргументы и факты, 2003.08*).

Ну кто не знает эту прекрасную и романтическую историю о бедном живописце, который подарил своей возлюбленной *миллион роз!* (С. Спиридонов. А муза была скуповата // *Труд-7, 2006.05*).

В том же Северном округе произошла еще одна необычная кража. Из павильона цветов был украден “*миллион алых роз*”. Оперативники быстро вычислили цветочного Ромео: им оказался недавно освободившийся зэк (*Кража на смех // Аргументы и факты, 2005.03*).

Некоторые девушки считают, что чем больше мужчина любит, тем дороже подарки он станет делать. Ну, конечно, все определяется размером зарплаты, но все-таки “настоящая любовь” – это не ветка сирени, а *миллион алых роз* (*Молчит, но любит? // Аргументы и факты, 2004.07*).

В центре Новосибирска неизвестный гражданин вывалил на тротуар полный самосвал зефира. Больше тонны! А то дарить *миллион алых роз* любимой девушке уже как-то банально. Настоящий мужик слово держит. Дорогая, ты хотела сладкую жизнь? Получай! (С. Бабицкий. Люди, которые нас удивили // *Комсомольская правда, 2013.02*).

Примечательно, что в значительном числе контекстов прецедентное высказывание используется без кавычек. По точному замечанию А. Гениса, «отцов от детей отличают цитаты – одни их подхватывают, другие не знают, где ставить кавычки» [Генис 2009: 329].

Л.П. Дядечко пишет о том, что увеличение количества включений в речь приводит к девальвации эпонимичности («крылатости»). Привычность употребления создает впечатление, что данное слово существовало в языке всегда [Дядечко 2002: 9]. О фразеологии прецедентных феноменов свидетельствует использование следующих метаоператоров: *поговорка, принцип,*

девиз, мантра, банальность, кредо, формула, истина. При этом какие-либо указания на связь с текстами песен отсутствуют. Приведем примеры:

Может, к известной поговорке “*Москва не сразу строилась*” следует добавлять: “... а сгорела в одночасье”? (Ю. Лобов // Труд-7, 2002.09).

Полезно увязывать денежное вознаграждение с результатами всей компании. Частично выплачивая его акциями. Надо отметить любые поощрения в банках, получающих бюджетную поддержку. Старый принцип “*если радость на всех одна, на всех и беда одна*” продолжает сплачивать коллективы. Ориентировать на общую цель (А. Лившиц. Починить тормоза // Известия, 2009.09.23).

“*У природы нет плохой погоды*” – под этим девизом прошли соревнования по уличному баскетболу в Хабаровске (А. Гришина. Ураган и уличный баскетбол // Комсомольская правда, 2009.06).

Да, оба побиты жизнью куда меньше, чем их герои. Да, гонорары за фильм, думается, стоят трудов. Но эту боль столкновения с собственной молодостью, что читается в глазах как у Де Ниро, так и у Сталлоне, не подделать. Кто бы мог подумать, что *расхожая банальность* “не стареют душой ветераны” применима не только к спорту (Д. Рузаев. Я побит, начну сначала // РБК Дейли, 2014.01.16).

Материалы НКРЯ позволяют говорить и о достаточно распространенном образовании прецедентных моделей, в основе которых лежат прецедентные феномены из песен. Прецедентные модели формируются в результате повышенной частотности той или иной цитаты, «в структуре которой выделяются как стабильные компоненты, так и пустые клетки (N)» [Семенец 2004: 53]. Трансформации прецедентных единиц, связанные с лексической заменой, приводят к серийности воспроизведения фразы [Шумкина 2011: 6]. Так, прецедентный феномен *с чего начинается родина* послужил основой прецедентной модели *с чего начинается X*. Ср.:

С чего начинается очередь. Районный отдел образования находится на втором этаже старинного особняка. Наверх ведет

крутая лестница, пандуса для детской коляски нет. То есть чтобы записаться в очередь, мама должна с кем-то оставить будущего детсадовца (Куда приходит детство // Новая газета, 2015.07).

С чего начинается опера. В России конца 2010-х опера переживает новый виток популярности, во многом связанный с анализом и критикой формата – вплоть до выхода сборника «Как смотреть оперу» («Крафт+», 2018), авторы которого рефлексиируют по поводу оперы как театра (С чего начинается опера // Ведомости, 2019.02).

Особое место принадлежит прецедентным высказываниям из песен в художественных текстах. Когнитивная актуализация является способом расширения смыслового текстового пространства. Так, заключительная глава книги Татьяны Москвиной «Жизнь советской девушки», написанной в жанре художественной автобиографии, имеет следующее название: «Надейся и жди?». Вопросительный знак эксплицирует авторскую рефлексии над выражением, которая расширяется по мере текстового развертывания: «Бодрый рефрен песни про *всю жизнь впереди* казался убедительным символом идиотизма, в котором приходилось жить». Автор, вспоминая непростые годы своей молодости, противопоставляет их кажущемуся ей «звонко-приказным» выражению *надейся и жди* из популярной в то время советской песни ансамбля «Самоцветы».

При анализе использования прецедентных феноменов из песен необходимо учитывать, что восприятие интертекстуальных элементов, включение их в ментальное пространство слушающего «осуществляется подобно наведенной в сознании <...> рефлекторной дуге, дуге условного рефлекса: намек (цитата или имя) – и вот уже определенное явление социально-психологического характера или какое-то событие общественно-политического, исторического значения оживает, активизируется в сознании слушающего, прецедент вступает в игру» [Караулов 2003: 217]. Однако, чтобы прецедент вступил в игру, необходимо наличие в памяти хотя бы элементарных «защепок», без которых полное восприятие текста оказывается невозможным. Так, при чтении следующего отрывка из романа Дины Ру-

биной читатель может не узнать в словосочетании *кругом вода-вода* строку из советской песни «Как провожают пароходы», это не приведет к коммуникативной неудаче, хотя, безусловно, расчет автора на восприятие языковой игры, основанной на глубинных ассоциативных связях, в большинстве случаев оказывается неоправданным:

Гуревич всегда очень остро чувствовал этот перелом: вроде бы ты нырнул и плывешь под водой под низким мостом, и воздух на исходе, но вон он, свет, все ближе, ближе... Снег скукоживается и чернеет, *кругом вода-вода*, ноги мокрые, не убе-речься. По краям мостовых текут ручьи, перейти улицу нереально, утопанные с виду снежные дорожки таят сюрпризы, наступишь – провалишься (Д. Рубина. Маньяк Гуревич).

Интересен пример трансформации прецедентного феномена *скромный синий платочек* в рассказе А. Матвеевой: – Я вам вопрос, вообще-то, задала, – обиженно сказала низенькая экскурсантка в потёртом *синем платочке*. *Стремный синий платочек...* (А. Матвеева. Внук генерала Игнатьева).

В процессе текстового развертывания автор метонимически использует прецедентное высказывание [*скромный*] *синий платочек* в качестве номинации героини:

Почти половина экскурсантов осталась на своих местах, но синенький платочек почему-то ринулся к Мемориалу первым.

– Вот здесь обнаружили тела почти всех Романовых и их верных слуг. <...>

Высокомерный с каким-то особенным вкусом щелкал фотокамерой, словно бы заново расстреливая Романовых, а «*синий платочек*», пригорюнившись, сказала Юле:

– И ведь даже березы здесь растут кривые да низкие! Вот какая вам еще нужна правда, безбожники?.. (А. Матвеева. Внук генерала Игнатьева).

Отметим, что в «Словаре крылатых слов и выражений нашего времени» Л.П. Дядечко [Дядечко 2019] одно из значений единицы *синий платочек* с пометой «новое», – «о скромном, неприязнительном одеянии».

Для того чтобы определить место прецедентных феноменов из советских песен в интертекстуальном тезаурусе современни-

ка, нами был проведен направленный эксперимент среди студентов 1–2 курсов филологического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. В эксперименте приняли участие 75 человек.

Участникам предлагалось продолжить строки из советских песен, а также определить источники получившихся выражений. Респондентам не сообщалось, что эксперимент связан именно с советскими песнями. Для чистоты эксперимента, помимо 27 начальных строк из советских песен (*у природы нет...; если бы парни...; радость со слезами...; с чего начинается...; широка страна моя...; миллион, миллион...; в жизни раз бывает...; прекрасное далеко, не будь...; каким ты был, таким ты... и др.*), в анкету были включены несколько прецедентных феноменов, никак не связанных с песнями.

Анализ полученных анкет позволил сделать ряд выводов.

Несмотря на то, что, как отмечает Д. Б. Гудков, сегодня наблюдается тенденция к «выпадению» из когнитивной базы специфических феноменов советской действительности [Гудков 1998: 89], ряд прецедентных феноменов из советских песен хорошо знаком молодым людям, родившимся уже в начале XXI века. Хронологически наиболее близкими к XXI веку оказались прецедентные феномены *перемен требуют наши сердца* и *звезда по имени Солнце* из песен группы «Кино», поэтому симптоматично, что эти единицы знакомы почти всем респондентам. Одним из наиболее значимых для современного студента оказался прецедентный феномен *прекрасное далеко, не будь ко мне жестоко* из фильма «Гостя из будущего», а также *вместе весело шагать* (строка из песни, которую исполнял Большой детский хор). Это, безусловно, связано с тем, что тексты, песни, фильмы, с которыми человек знакомится в детстве, прочно закрепляются в сознании: «ребенок формирует языковую картину мира через тексты, услышанные или прочитанные на раннем этапе развития» [Носова, Черняк 2023: 94]. Конечно, это связано и с тем, что многие в детстве занимаются хоровым пением, что влияет на закрепление прецедентных высказываний в тезаурусе. Также к наиболее узнаваемым единицам относятся *проснись и пой; миллион алых роз; у природы нет плохой погоды; радость*

со слезами на глазах; первым делом самолеты, ну а девушки потом.

Средней степенью узнаваемости (22 – 37 респондентов) обладают прецедентные высказывания *в нашем доме поселился замечательный сосед; с чего начинается Родина; надейся и жди; за себя и за того парня; каким ты был, таким ты и остался; мои года – мое богатство; главное, ребята, сердцем не стареть.*

Примечательны попытки восстановить источник выражения *радость со слезами на глазах: песня «День Победы» ; военная песня; песня о 9-м мая; похоже на песню, посвященную Дню Победы; негласный (я думаю) гимн посвящ. ВОВ; Лев Лещенко; сов. песня про войну; песня о Родине, о ВОВ; о победе в ВОВ; гимн; патриотическая песня; песня на 9 мая; «День победы», исполняет Л. Лещенко; песня про день победы; Лещенко «День Победы»; песня про 9 мая; советский афоризм; в школе на линейке пели; советский фильм; «Священная война» песня. Приведенные метаоператоры выразительно свидетельствуют об идеологических условиях закрепления прецедентного феномена.*

Крайне низкой степенью узнаваемости характеризуются выражения *а вместо сердца пламенный мотор; в коммуне – остановка; не стареют душой ветераны; нам песня строить и жить помогает; первый там мы уже отыграли; что-то с памятью моей стало.*

Многие строки из советских песен сегодня уже не идентифицируются молодежью. Так, например, никому из респондентов не удалось продолжить строки *ах картошка, объединье, пионеров идеал; если бы парни всей земли; в жизни раз бывает восемнадцать лет; наш паровоз, вперед лети.*

Таким образом, прецедентные феномены из песен являются важной составляющей интертекстуального тезауруса современника. Причиной этого является их высокая тиражируемость на протяжении десятилетий с помощью радио, телевидения, массовых мероприятий различного рода. Популярность советских песен и, соответственно, многих прецедентных феноменов из них обеспечивается и популярностью кинофильмов, в которых эти песни звучат. Одни советские песни являлись мощным

средством идеологического воздействия, а прецедентные феномены из них – распространенными идеологическими клише (*Широка страна моя родная; Москва-столица, моя Москва; Нам нужна одна победа, мы за ценой не постоим; Если бы парни всей земли...*), другие использовались как излюбленное средство иронического взгляда на действительность (*Без воды ни туды и ни сюды; Первым делом, первым делом самолеты, но а девушки, а девушки потом; Ах картошка-объеденье, пионеров идеал...*). С течением времени, особенно в постсоветскую эпоху, идеологический компонент практически полностью нейтрализуется. Прецедентные феномены превращаются в экономное и выразительное средство обозначения той или иной ситуации, часто подвергающееся коммуникативным трансформациям. Условия использования прецедентных высказываний варьируются от полного воссоздания прецедентной ситуации до включения в текст лишь отдельных фрагментов прецедентного феномена, предполагающего определенную читательскую искушенность, позволяющую понять, что в тексте используется не просто случайное, иногда, на первый взгляд, не слишком мотивированное свободное словосочетание, а культурно значимый феномен. Как выразительный инструмент языковой игры прецедентные феномены из песен используются в различных типах текстов, при этом очень важен неизбежный процесс устаревания интертекстуального тезауруса, что приводит к возможным коммуникативным неудачам, недостижению ожидаемого коммуникативного эффекта.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Фразеологические логоэпистемы: архетипы и символы // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 13 (184). Выпуск 22.С.7-13.

Будаев, Э. В., Чудинов, А.П., Нахимова, Е.А. Буратино как прецедентный феномен в российских СМИ / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов, Е.А. Нахимова // Детская книга как институт социализации: «золотой ключик» к миру взрослых: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции (Нижний Тагил,

24–25 октября 2019 г.) / отв. ред. А. Н. Садриева. Нижний Тагил, 2019. С. 23-31

Генис А. Шесть пальцев. Пушгоры. М., 2009.

Детское чтение: проблемы рецепции и интерпретации: коллективная монография / отв. ред. В. Д. Черняк, М. А. Черняк. СПб., 2020.

Дядечко Л. П. Словарь крылатых слов и выражений нашего времени. М., 2019.

Дядечко Л.П. Когда крылатое слово крылато // Русистика. 2002. № 2. С. 6-13.

Заботкина В.И. Когнитивные механизмы межкультурного диалога // Когнитивные исследования языка. Вып. № 2 (41). Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и смежных науках / отв. ред. вып. А.П. Чудинов. М.; Тамбов, 2020. С. 76-80.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2003

Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. 1994. №1. С. 73–76.

Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями. Феномены культуры и языка в интертекстуальной интерпретации: монография. Омск, 2009.

Ли Х. Прецедентные феномены из мультфильмов в интертекстуальном тезаурусе: монография. СПб., 2022.

Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс. М., 2004.

Семенец О. П. Прецедентный текст в языке газеты (Динамика дискурса 50-90-х годов): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004.

Словарь культуры XXI века: глобальная серия / сост., предисл. И.Сац; научн. ред. В. Руднев. М., 2022.

Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / отв. ред. Т. В. Булыгина; Рос. АН, Ин-т языкознания. М., 1992.

Черняк В. Д. Прецедентные феномены и интертекстуальный тезаурус // Прецедентика в тезаурусе языковой личности: коллективная монография / под ред. В. А. Ефремова. СПб., 2023. С. 19–35.

Черняк В.Д., Ли Х. «Баба-яга против»: прецедентные фено-

мены из мультфильмов в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2020. № 3 (81). С. 68–76.

Шумкина И. В. Функционирование цитат из авторской песни в газетно-публицистических текстах: автореф... канд. филол. наук. Самара, 2011.

©Черняк В.Д., 2023

©Хасанова И.И., 2023